

НОВОЕ ИССЛЕДОВАНИЕ О ГЕНОЦИДЕ АРМЯН

Доктор юридич. наук Ю. Г. БАРСЕГОВ (Москва)

Интерес мировой общественности к геноциду армян постоянно растет. Он все чаще становится предметом внимания в международных организациях. Поэтому научная разработка правовых и политических аспектов этого преступления отвечает поставленной перед человечеством цели его искоренения из жизни общества. Крупным шагом в этом направлении является труд Вахакна Н. Дадриана «Геноцид как проблема национального и международного права: армянский казус периода I мировой войны и его современное правовое отражение» (Перепечатка из «Йельского журнала международного права», том 14, N 2, 1989 г., с. 221—334 и с. 1—19 приложений)¹.

Речь идет об экстраординарной работе, которую необходимо срочно издать в Советском Союзе на армянском и русском языках, чтобы сделать ее достоянием широкой общественности.

Вахакн Дадриан—известный исследователь геноцида армян. Одно из достоинств нового труда В. Дадриана состоит в том, что он носит не описательный, а проблемный характер, затрагивая ключевые правовые аспекты преступления геноцида: вообще и геноцида армян—в частности. Значимость труда определяется не только малой разработанностью правового аспекта этого преступления, но и высоким научным уровнем исследования, являющегося результатом многолетнего изучения прежде всего первоисточников—документов, по большей части неопубликованных. Автор, в частности, использовал секретные документы из английских архивов, включая документы Комиссии британского Верховного комиссара в Стамбуле (1918—1922 гг.), военной и политической разведки на Ближнем Востоке и Юридической службы британской короны. Важно отметить также, что исследование в значительной мере базируется на турецких документах и документальных свидетельствах должностных лиц союзных Турции держав—Германии и Австрии.

Начав исследование с предпосылок, приведших к геноциду, автор неизбежно должен был рассмотреть причины геноцидности турецкого государства и общества. В этой части исследования порой создается впечатление, что преследования и резню армян на протяжении десятилетий, предшествовавших началу первой мировой войны, автор рассматривает преимущественно в аспекте религиозных предписаний ислама, ставивших армян в положение поработенного народа, которому была предоставлена возможность жить до тех пор, пока он подчинялся своим мусульманским господам—туркам: обращение же армян к международному покровительству как бы восстанавливало право господствующего мусульманского народа—турок подвергать поработенное меньшинство резне и грабежу. Каково бы ни было значение религиозного фактора, нельзя пренебрегать определяющей ролью политики. Религиозный фанатизм толпы был орудием политики. Это верно как в отношении младотурок, среди которых было много атеистов, так и для султана—халифа, что подтверждается не только масштабами, но и организованностью многочисленных актов резни, участием войск и другими объективно констатируемыми актами. Сам же автор соглашается с мне-

¹ Vahakn N. Dadrian. Genocide as a Problem of National and International Law & The World War I Armenian Case and Its Contemporary Legal Ramifications. Reprinted from „Yale Journal of International Law“. Vol., 14, N 2, 1989, pp. 221—334, and 1—19 (annexe).

нием историка Уильяма Ланге, что «султан был полон решимости положить конец армянскому вопросу уничтожением армян». Очевидно, что религия в данном случае играла роль опоры политики порабощения народов.

Справедливо осуждая непоследовательность великих держав в осуществлении реформ в Армении и указывая на отрицательные последствия этого для армянского народа, В. Дадриан, по нашему мнению, нарушает причинно-следственную связь между событиями: неверно объясняет рост самосознания и сопротивление армян обещаниями реформ и рассматривать последние как причину реакции турецкого государства. Нужно ответить на вопрос: почему армяне надеялись на международную, в первую очередь русскую помощь? Ответ дает история пяти веков жизни армянского народа в турецком геноцидном обществе. Армяне не могли оставаться в стороне от столбовой дороги процесса мирового развития: стремления к национальному освобождению и созданию национального государства. Только психология захватчиков могла отрицать это естественное право народов и сводить все к международному вмешательству. Не вина, а беда армян, что эта международная помощь была не надежна. С высоты времени, зная о конечном результате, можно осуждать гибнувший народ за то, что он, подобно утопающему, хватался за соломинку. Нельзя, однако, забывать, что события эти происходили в XIX веке, когда ООН не существовала, а роль Совета Безопасности играл «концерт» великих держав, раздиравшихся противоречиями.

Думается, что отступление от историчности при оценке международных проектов реформ в Армении в 1878—1914 гг. связано в некоторой степени с нечетким определением временных рамок геноцида армян, проявляющемся, в частности, в утверждении, что геноцид армян последовал за десятилетиями их преследований в Османской империи и резней в 1894—96 и 1909 гг., когда было убито двести тысяч армян (с. 223). Не говоря о числовой оценке (резня 1894—96 гг. оценивается в триста тысяч убитых), отметим, что на самом деле действия турецкого государства на протяжении всего периода с 1878 по 1914 гг. полностью подпадают под определение геноцида. И это относится не только к резне 1894—96 и 1909 гг., но и ко всему, что происходило в другие годы—каждый день и каждый час.

Трудно предъявлять этот упрек автору, который сам ввел в оборот целый ряд фактов, подтверждающих, что подготовка последней стадии геноцида армян—полного и поголовного физического уничтожения армянского народа—замышлялась и готовилась задолго до войны—с созванного 6 августа 1910 г. в Салониках ежегодного конгресса младотурок, а точнее—с секретного выступления Талаата перед лидерами партии накануне открытия конгресса и секретных дискуссий, проводившихся параллельно с официальными заседаниями. Уже тогда, на конгрессе и в отделениях партии на местах пришли к решению об использовании в целях туркизации империи депортаций и резни армянской национальной группы (с. 253—254). Кстати, по международному праву наказуемы не только действия, составляющие геноцид, но и заговор с целью его совершения, наличие которого подтверждается приведенными автором фактами. Наличие заговора подтверждает также, что преступные действия турецкого государства начиная с 1915 г. совершались с намерением уничтожить армянскую нацию. Автор безусловно прав, отмечая, что безнаказанность актов резни, проводившихся до 1915 г., объективно означала их поощрение (с. 255). В то же время в международном гуманитарном вмешательстве, в частности—в международных проектах реформ в подвластной турецкой империи части Армении, нельзя не видеть выражения международной ответственности турецкого государства за преступления, совершенные им в 1878—1914 гг.

В. Дадриан уделяет внимание правовым и политическим факторам, которые не позволили предотвратить геноцид армян в 1915—1923 гг., а именно—несовершенству международного права того времени и политическим противоречиям между великими державами, делавшим неэффективными международные усилия.

Что касается чисто правовых вопросов, то в их освещении имеются, к сожалению, некоторые неточности и спорные положения. Неверно, например, утверж-

ление, что «только недавно преступление геноцида стало рассматриваться как преступление по международному праву» (с. 256, прим. 111). Связывать квалификацию геноцида как преступления по международному праву с принятием в 1948 г. Конвенции о предупреждении преступления геноцида и наказании за него, а точнее—с ее вступлением в силу 12 января 1961 г., и на этом основании утверждать вслед за цитируемым Дж. Виллисом, будто «в этой перспективе турецкая акция против армян была внутренним делом, не подпадающим под юрисдикцию другого государства» (J. F. Willis, Prologue to Nuremberg. The Politics and Diplomacy of Punishing War Criminals of the First World War. Westport, Conn., 1982, p. 157, п. 12), неверно как с точки зрения общеправовой, так и с точки зрения соответствия положениям международных актов, устанавливавших международно-правовой статус Армянского вопроса, включая вопрос обеспечения безопасности армян. Достаточно указать, что и приговоры Нюрнбергского международного военного трибунала в части обвинений главных нацистских военных преступников в геноциде, и решения национальных судов (американских, израильских и др.) в отношении геноцида опирались на универсальные нормы международного права, действовавшие до вступления в силу Конвенции.

Вместе с тем, нельзя не согласиться, что государства, совершившие и совершающие и настоящее время эти преступления, равно как и те, которые по политическим соображениям берут их под свою защиту, ссылались и ссылаются даже теперь, т. е. уже после вступления в силу Конвенции, на свой суверенитет. Однако верно и то, что и теперь, и тогда, когда совершался геноцид армян, международное право признавало уничтожение национальных групп международным преступлением. Совсем не случайно, что даже такой консерватор, как цитируемый в исследовании государственный секретарь США Лансинг в письме президенту Вильсону от 21 ноября 1916 г., признавал «полностью обоснованным» вмешательство в защиту депортированных армян «несмотря на то, что они были турецкими подданными» (см. прим. 12 на с. 228).

Чрезвычайно интересен параграф, посвященный «фактору выбора времени» для реализации планов разрушения армянской национальной группы. На основе неопровержимых свидетельств показано, что турецкое правительство сознательно использовало условия войны для полного и повсеместного физического уничтожения армян.

Рассуждения автора об «аннулировании» как следствия войны международных договоров, которыми устанавливались международные гарантии безопасности армянского населения (с. 319—320), юридически не точны. Как вступление Турции в войну в результате ее неспровоцированного нападения на Россию, так и аннулирование сию Парижского и Берлинского договоров и русско-турецкого соглашения 1914 г., которыми вводились реформы в «Турецкой» Армении, были логическим продолжением практики игнорирования своих международно-правовых обязательств, представляли грубейшее нарушение международного права и должны были повлечь соответствующие международно-правовые последствия.

Большой интерес представляют материалы о составных элементах преступления геноцида армян: депортации как средстве разрушения этой национальной группы, создании турецким правительством еще в 1914 г. Специальной организации для реализации плана физического уничтожения армян, насильственной противозаконной конфискации имущества и др. Эти вопросы многократно затрагивались в литературе и оценки в целом совпадают. Ценность исследования В. Дадрияна—открытие неизвестных обстоятельств и документированность, причем, подтверждение документами турецкими, а также из политически благожелательных турецкому государству источников—германских, австрийских, американских и др. Использованы также абсолютно достоверные сведения из секретных документов спецслужб стран Антанты, которые предназначались только для информации своих правительств и, следовательно, излагали реальные факты. Многие из этих документов публикуются впервые.

Имея в виду ключевую роль, которая в настоящее время отводится турецкой

дипломатией и пропагандой доводу об отсутствии у турецкого правительства намерения разрушить армянскую национальную группу как таковую. Нужно приветствовать обращение В. Дадрияна к этому вопросу. Он рассматривает отношение к этому самого младотурецкого правительства—его реакцию на Декларацию трех союзных держав от 24 мая 1915 г. о персональной уголовной ответственности членов турецкого правительства за геноцид армян. Отмечается, что в ответ на Декларацию турецкое правительство стало «тщательно маскировать намерения, которыми руководствовались при осуществлении резни армян» (с. 277).

Хотя автор прав в том, что уровень развития международного права в то время был иным, он, однако, явно ошибается, утверждая, будто оно однозначно признавало право государства расправляться с инациональной частью своего населения. И доктриной международного права, и самим международным прагом признавалось право международного сообщества на осуществление гуманитарной интервенции для обеспечения безопасности населения. На этом праве основывались относящиеся к армянам положения известных международно-правовых актов и сама идея реформ в Армении. На эту международно-правовую основу опирались и положения Севрского мирного договора об уголовной ответственности и наказании лиц, осуществивших геноцид армян, и международно-правовой, политической и материальной ответственности самого турецкого государства за это преступление. И если это не реализовалось, то причиной тому были не недостатки международного права, а политический сговор турецких националистов и российских большевиков, руководствовавшихся своими доктринерскими идеями «мировой революции» и полностью предавших законные права и интересы армянского народа, а с другой стороны—непоследовательность союзных держав, которые также ставили свои колониальные интересы и интересы борьбы против советской власти выше интересов армянского народа, выше соображений права и справедливости.

Следует однако указать, что несмотря на не совсем точную, по нашему мнению, оценку состояния международного права того времени сам автор приводит материал, подтверждающий международно-правовую обоснованность оценки действий турецкого правительства как преступления по международному праву.

Большой интерес представляют усилия, предпринимавшиеся британскими властями по выявлению, задержанию и преданию суду турецких деятелей, участвовавших в осуществлении геноцида армян. Интерес к этой части исследования возрастает в связи с тем, что сегодня в турецкой пропаганде проводится линия, будто отказ британских властей от намерения предать этих лиц суду означает признание ими невинности турок и, в более широком плане, якобы представляет доказательство того, что турецкое государство геноцида армян не совершало.

Из приведенных в работе документов следует, что одно из двух основных преступлений, за совершение которых члены турецкого правительства привлекались к международной уголовной ответственности, заключалось в уничтожении армян путем депортаций и резни. Приведенные свидетельства подтверждают, что бегство семи турецких правителей на борту германского эсминца в ночь с 1 на 2 ноября 1918 г. было связано именно с пониманием ими неотвратимости обвинений в геноциде армян.

Впервые обнародованы документы, которые подтвердили безоговорочное признание всем миром безусловной необходимости не только привлечения турецких правителей к личной уголовной ответственности, но и поставили вопрос о коллективной ответственности турок в лице их государства в форме прекращения его преступной власти в отношении армянского народа и его территории.

Представляют существенный интерес заключения юридических советников британской короны относительно юрисдикции по делам об уголовной ответственности членов турецкого правительства. Исходя из того, что «вопрос этот находится вне сферы внутреннего права и подпадает под действие обычаев войны и норм международного права», они выражали предпочтение, чтобы такие преступления «были выделены для решения в соответствии с положениями мирного договора» и отмечали, что «нет законных препятствий для содержания под стражей этих обвиняемых лиц».

При описании истории позорной политической сделки английского правительства с кемалистами, приведшей к освобождению содержащихся на Мальте организаторов геноцида армян, В. Дадриян, вероятно, под влиянием отраженной в выявленных им документах версии английского правительства дает несколько упрощенную картину политической подоплеки: из нее не видно, что с освобождением турецких преступников У. Черчилль и другие английские политики и дипломаты связывали такие далеко идущие соображения, как воздействие на кемалистское движение, привлечение Турции в качестве союзника против советской власти на Кавказе. Именно в этом контексте должны рассматриваться и чрезвычайно мягкие условия Мудросского перемирия, предоставлявшие ей роль полицейской силы против большевизма, и последовавшая политика невмешательства во внутренние дела, связанные, в частности, с наказанием военных преступников.

Из поля зрения автора полностью выпала и деструктивная роль большевистской России. Первоначальная идеалистическая, т. е. человеческая политическая линия российской революции, проявившаяся в известном Декрете Совета народных комиссаров о независимости «турецкой» Армении, с середины 1920 г. под воздействием Сталина полностью уступила место политическому оппортунизму, беспринципному, аморальному отношению к правам армянского народа, к идее справедливости, к правосудию. Чем реальней становилась угроза привлечения турецких националистов к ответственности за резню армян в рамках послевоенного урегулирования, тем больше шансов это давало Советской России для совместного с ними выступления против Запада. В этой ситуации не только жизненные права и интересы армянского народа, не только его национальная территория, но даже вопрос о наказании его палачей стали разменной монетой в политической игре «компенсаций», в которой участвовали как Советская Россия, так и державы Антанты. В этой политической атмосфере все ссылки на юридические трудности или страдания «британских пленных» были либо надуманными, либо малозначительными. Это, впрочем, видно и из приводимых в книге материалов. Тем более трудно согласиться с утверждением В. Дадриана будто «со строго юридической точки зрения» псудача с преданием турецких преступников национальному или международному суду была связана с трудностями получения доказательств или с проблемой юрисдикции (с. 289). Несмотря на препятствия, чинившиеся турецким правительством, доказательств их виновности было более чем достаточно, а вопрос о юрисдикции тогда решался на том же правовом основании, что при учреждении Юрибергского трибунала—на признании того, что совершенные преступления должны рассматриваться как преступления против человечества и, следовательно, подпадать под действие универсальной юрисдикции. Все упиралось в политику.

Большой интерес представляет анализ дел по обвинению в депортациях и резне армян в турецких судах в 1919—1920 гг., когда, как отмечается в исследовании, впервые в истории за преднамеренное массовое уничтожение части населения своего государства по национальному признаку члены правительства были привлечены к уголовной ответственности в национальных судах на основании национального уголовного права. Это направление исследования тем более нужно поддержать, что материалы турецкого судопроизводства, подтверждающие совершение преступления геноцида, долгое время игнорировались даже в армянской политической литературе, что, вероятно, объясняется прежде всего психологическими причинами—убежденностью в том, что ожидать признания правды от турецкого суда бессмысленно.

Турецкое «правосудие» действительно всегда было орудием политики геноцида армян. И, конечно, оно не могло стать вдруг мечом возмездия. Проводя параллели с процессами над немецкими военными преступниками в Лейпциге после первой мировой войны, автор приходит к обобщающему выводу, что «через процессы в национальных судах трудно достичь эффективного наказания за геноцид и другие преступления против человечества» (с. 291).

Несмотря на важность этой почти самоочевидной констатации, полагаем, что больший исторический и правовой интерес представил бы ответ на другой вопрос: почему турецкое государство пошло на открытие судебных процессов против членов:

бывшего турецкого правительства, признав, по существу, их вину в серии обвинительных заключений, вердиктов и приговоров? Почему оно, чиня препятствия передаче этих преступников международному суду, пошло добровольно на предание их суду своих военных трибуналов?

Автор ограничивается указанием, что «оттоманские власти, соглашаясь предать суду турецких военных преступников, рассчитывали на менее жесткое обращение на Парижской мирной конференции, что подтверждается как современными турецкими историками, так и имеющими к этому отношению британскими официальными лицами» (с. 292). Верно, но недостаточно. Главный вопрос состоял в ответственности государства. По словам В. Дадриана, султанское правительство «считало, что турецкая нация не может рассматриваться как несущая ответственность за преступления политической партии и ее представителей в правительстве» (там же).

На самом деле новое султанское правительство Турции не могло не считаться с тем, что речь шла о преступлении, совершенном *правящей* партией и правительством, официально действовавшим от имени государства. Объективный анализ показывает, что новое правительство Османской империи, осознавая всю тяжесть и все юридические и политические последствия преступления, совершенного его предшественником — младотурецким правительством, понимая, что коллективная ответственность турок, выражаясь в международной публично-правовой, политической и материальной ответственности турецкого государства, неизбежно приведет к признанию необходимости прекращения его власти над своей жертвой — армянским народом и его национальной территорией, взяло курс на отмежевание от действий бывшего младотурецкого правительства. Исходя из этого, проявлялась готовность признать вину бывшего младотурецкого правительства только в том виде и в той степени, в каких это было необходимо до «доказательства» осуждения имевших место преступных действий, для дистанцирования от них, с целью сохранения за турецким государством плодов этого преступления. Поэтому, начав судебные процессы, новое турецкое правительство в то же время предпринимало меры, направленные на умаление масштабов преступления, сокрытие его характера — с одной стороны, и на то, чтобы выносимые приговоры не приводились в исполнение, остались на бумаге.

С огромным интересом читаются разделы, относящиеся к предварительному следствию, осуществлявшемуся в рамках специально созданного с этой целью Пятого комитета парламента и Следственной комиссии Администрации, которая занималась расследованием преступлений должностных лиц правительства независимо от их ранга, а также все, что касается образования военных трибуналов, возбуждения уголовных дел, обеспечения законности средствами процедуры (открытые заседания, защита и др.), обвинительных заключений.

Принципиально важное значение имеют подкрепленные доказательствами обвинения правившей партии, младотурецких руководителей военного министерства, министерства внутренних дел и Специальной организации — Энвера, Талаата и Бэхаэддина, а также провинциальных органов власти и «ответственных секретарей» младотурецкой партии на местах — прототипов будущих нацистских гаулейтеров. Приводится, в частности, вывод генерального прокурора Османской империи о том, что депортации армян были «предлогом для резни» и что «этот установленный акт также очевиден, как очевидно то, что два плюс два равно четырем».

Что касается форм, в которых совершалось преступление геноцида, обвинительное заключение выделило помимо простого соучастия еще и заговор. Позднее великим визирем Дамад Феридом был поставлен вопрос о привлечении «активных» членов младотурецкой партии к коллективной ответственности по обвинению в принадлежности к преступной организации. В обвинительных заключениях устанавливалось наличие намерения. Констатируя, что «резня и уничтожение армян были результатом решений Центрального комитета партии Иттихад», обвинение уточняло, что процесс принятия решения состоял из «продолжительных и глубоких обсуждений», в результате которых «был принят» соответствующий план действий. В обвинительных заключениях отмечалось также, что с целью «маскировки» этого плана приме-

нялась соответствующая тактика, руководство исполнением решений обеспечивалось путем секретных устных и письменных приказов и инструкций, которые подлежали уничтожению. Наличие намерения не могло ставиться под сомнение ссылками на необходимость массового перемещения населения или на «оправданность» наказания нелояльной общины, тем более, что, как указывалось в одном из обвинительных заключений, «депортации не были ни мерой, продиктованной военной необходимостью, ни дисциплинарным актом наказания». Как констатировало обвинительное заключение, принятый младотурками всеобъемлющий план и руководство его реализацией из центра имели целью «окончательное решение нерешенных проблем», из которых на первое место ставился Армянский вопрос. Наличие заранее разработанного плана и, соответственно, намерения поголовного повсеместного уничтожения армян было подтверждено в ходе судебного рассмотрения документами и свидетельскими показаниями генерала Вехиба и других. Читатель найдет в книге убедительные, бесспорные доказательства наличия этого субъективного элемента состава преступления как в виде фактов, так и следственных и судебных заключений.

Внимание исследователей юридической стороны борьбы с геноцидом привлекут и материалы, относящиеся к попытке защиты отрицать правомерность привлечения к ответственности своих высокопоставленных подзащитных ссылкой на доктрину акта государства (с. 304—306). По утверждению защиты, действия членов турецкого правительства и их представителей не могли рассматриваться как обыкновенное уголовное преступление, поскольку резня была сопряжена с депортациями, а последние были частью акта государства—закона о депортации, санкционированного султанским «праз». Турецкий суд отверг правомерность ссылки на акт государства на основании внутреннего—турецкого, а не международного права. Он отметил, что резня, даже если ее рассматривать как присущий депортациям элемент, представляла убийства и, следовательно, отдельное и самостоятельное действие. Суд исходил из того, что ссылка на акт государства могла бы рассматриваться только при том условии, если были бы в наличии доказательства того, что резня была не преднамеренной, а лишь неизбежным результатом исполнения официальных обязанностей. Суд, однако, нашел, что имеющиеся доказательства подтверждают, что резня сама по себе была частью политики и решений, принятых обвиняемыми не в рамках официальных обязанностей министров и правительства в целом, а в качестве членов секретного, заговорщического объединения (*sepiyet*).

Из ряда других важных в юридическом отношении обстоятельств примечателен, в частности, тот факт, что попытки защиты изъять дело из компетенции чрезвычайных военных трибуналов и передать на рассмотрение парламента, среди членов которого были десятки участвовавших в этом преступлении должностных лиц, суд отверг на том основании, что действие чрезвычайного военного положения было введено правительством, членами которого состояли подсудимые, и что поэтому (не говоря уже о специальном султанском декрете о наделении трибунала соответствующей компетенцией) военный трибунал был единственно возможным судебным органом для рассмотрения этих уголовных дел.

Большой интерес представляет анализ приговора по делу министров кабинета, вынесенного 5 июля 1919 г. Суд признал министров виновными не только в совершении геноцида армян, но и в ведении агрессивной войны. То, что Турция по собственной воле начала войну против России с целью реализации своих пантюркистских планов—факт общеизвестный и документально подтверждаемый. Суд подтвердил также факты организации повстанческих банд на Кавказе как части плана готовившегося военного вторжения. Именно в этом контексте следует рассматривать и настоячивые требования младотурецкого правительства, чтобы армяне, присоединившись к азербайджанцам и грузинам, подняли на Кавказе восстание с целью его отторжения от России. Эти факты имеют прямое отношение к вопросу о геноциде армян, ибо свидетельствуют о фальши «оборонительных» мотивов, выдвигавшихся турецким правительством для обоснования «депортаций».

В книге В. Дадрияна излагаются результаты рассмотрения судом вопроса об

«организации и использовании преступления резни лидерами Иттихада». Суд пришел к однозначной констатации: «этот факт был доказан и проверен военным судом». Автор указывает на ряд судебных констатаций фактов, которые сейчас преднамеренно искажаются, чтобы не допустить тех политических и правовых выводов, которые из них следуют неотвратимо. Так признается защитный характер армянского оборонительного движения.

Автор обращает внимание на полное совпадение выводов, к которым приходили следствие и трибуналы в разных делах. В частности, он отмечает, что выводы и решения, содержащиеся в обвинительном акте по делу главных соучастников — младотурецких руководителей, занимавших высшие посты в правительстве, были подтверждены и другими судебными процессами: общим элементом всех вердиктов было, в частности, установление того, что депортации были прикрытием для центрального плана уничтожения депортировавшихся, что в этом «не может быть сомнений» и что подлинные цели депортаций доказаны документами, написанными и подписанными обвиняемыми лично. В этих вердиктах «преступления резни, грабежа и мародерства» осуждаются как нарушения Османского уголовного кодекса и «великих предписаний» не только ислама, но и «человечества и цивилизации».

Так, приговор по Йозгатскому делу, осудив ведущуюся подсудимыми агитацию «не только среди местных мусульман, но и всех мусульман вообще» за участие в убийствах армян, назвал эту агитацию «смертным грехом». Он отверг попытки представить резню непопавших людей как репрессии против якобы восставших армян. Вердикт по трапезунтскому делу указывал, что депортируемых армян отдавали на расправу бандам «уголовников-рецидивистов», которые методически грабили, насиловали и убивали их, обычно топя в Черном море. В вердикте по делу «ответственных секретарей» младотурецкой партии устанавливалось, что они руководили бандами, на которые специально возлагалась обязанность убивать армян, и что они виновны в «резне и уничтожении армян и в их ограблении».

Привлекает внимание следующее характерное обстоятельство, раскрывающее сущность процессов. Хотя установленные составы преступления полностью совпадали и виновность обвиняемых признавалась, выносимые приговоры и меры наказания не соответствовали содеянному. Высшая мера наказания выносилась *in absentia* — только тем подсудимым, которым дали возможность бежать от правосудия. Так, в харпутском процессе был приговорен к смертной казни д-р Шакир — политический директор Специальной организации.

Во всех вердиктах (кроме процесса по делу руководителей партии и правительства) к смертной казни за участие в резне армян были приговорены только два провинциальных должностных лица невысокого ранга и один жандармский офицер. Автор подкрепляет констатацию этого красноречивого факта оценкой, данной турецкому правосудию исполнявшим обязанности британского Верховного комиссара в Стамбуле контр-адмиралом Веббом, отметившим «способ, которым распределялись приговоры между отсутствовавшими и присутствовавшими подсудимыми с тем, чтобы допустить минимум действительного лишения жизни» (с. 309).

Многие другие факты подтверждают лживость тезиса официальной турецкой историографии, будто султанские власти проявили какое-то особое рвение в привлечении к ответственности младотурок, чуть ли не равнозначное преследованию. Достаточно напомнить, что за физическое умерщвление двух миллионов армян никто из лидеров правившей партии и правительства не понес наказания: лишь несколько человек понесли заслуженную кару от руки армянских народных мстителей. Вся же остальная масса убийц, являвшихся организаторами геноцида армян, составила основу кемалистского движения. В книге показано, в частности, как осуществлялся саботаж правосудия в самом государственном аппарате — военном министерстве, министерствах внутренних дел, юстиции и др.: скрывали и уничтожали документы — секретную и сверхсекретную шифропереписку, запрещали местным властям выполнять судебные распоряжения, помогали подсудимым скрываться от правосудия и т. д. Наглядное представление о вольготных условиях содержания лиц, обвинявшихся

в совершении тяжчайших преступлений, можно получить из текста донесения британских военных властей, на которые было возложено осуществление условий перемирия (с. 312). Находившиеся в заключении министры кабинета проводили даже свои заседания с целью выработки стратегии защиты.

Слабость правосудия была связана не с тем, что «всякое правительство потерпевшей поражение страны не может быть сильным». Если бы султанское правительство Турции действительно стремилось к осуществлению правосудия, оно едва ли встретило противодействие держав Антанты, которые торжественно обещали всему миру наказать виновных в преступлении геноцида армян. Линия турецкого правосудия определялась поставленной перед ним политической задачей отвести международную ответственность от турецкого государства и турецкого геноцидного общества, ограничившись самым минимумом, создав лишь видимость осуждения геноцида и правосудия.

Из ряда исчерпывающих оценок деятельности турецких судов (с. 313 и др.) приведем одну, данную Верховным комиссаром США в Стамбуле Люисом Хексом в телеграмме от 7 февраля 1919 г.: «судопроизводство велось с характерной медлительностью и поведение суда... свидетельствует о том, что он не очень расположен к вынесению строгого и быстрого приговора» (см. с. 313, прим. 368).

Тем не менее преступление, совершенное турецким государством, было столь чудовищным, а его масштабы были столь велики, что даже частично приподнятой завесы было достаточно, чтобы осудить не только индивидов, но и само турецкое государство. Не случайно, конечно, что в связи с окончанием процесса по Йозгатскому делу генеральный секретарь младотурецкой партии заявил, что вынесенный вердикт представляет «самоосуждение правительства и суда, приговор турецкой нации».

С оценкой этого вердикта младотурецкой партией, руководившей осуществлением геноцида армян в 1915—1918 гг., полностью совпала оценка премьер-министра созданного в Анкаре кемалистского правительства, заявившего, что вердикт представлял собой «признание и удостоверение вины нашего собственного правительства» (см. с. 313—314).

Кемалистское движение, объединявшее всех тех, кто принимал участие в геноциде армян, и выступившее в качестве преемника и продолжателя политики геноцида армян, естественно, противодействовало осуществлению правосудия над участниками этого преступления не только в международном суде, но и в турецких судах. Даже куцое, урезанное правосудие султанского правительства показало кемалистам излишней роскошью. И хотя, а точнее—именно потому, что многие дела, связанные с геноцидом армян, были завершены и ждали открытия судебных процессов, кемалистское правительство начало разрушать конституционную судебную структуру. Уже 3 января 1921 г. оно решило заменить Военный трибунал своим Судом независимости в деле по преступлениям, совершенным в Йозгате (вилайет Анкары), а 25 апреля 1922 г. последний кабинет последнего великого визиря был принужден кемалистами объявить военные трибуналы некомпетентными судить «националистов». В ноябре 1922 г. в Стамбуле были введены в действие законы, принятые кемалистами, и, наконец, 31 марта 1923 г. была объявлена всеобщая амнистия для всех тех, кто был осужден не только военными, но и гражданскими судами Турции. Распустив военные трибуналы и прекратив все уголовные дела по преступлениям, связанным с резней и депортациями армян, кемалисты сами подтвердили, что они выступили не только в качестве защитников преступников, но и преемников их политики геноцида. Этот вывод напрашивается из фактов, которые приводятся в труде.

Что касается провала международного правосудия, то в свете известных исторических фактов также было бы неверно объяснять это просто нерешительностью. Именно политика попустительства держав-победительниц, имевшая, как уже указывалось, политические причины, привела не только к тому, что союзники отказались от оккупации армянских территорий (она была предусмотрена только в случае резни армян, хотя их либо уже вырезали, либо изгнали), но и к неоправданной затяжке международного правосудия, предусмотренного мирным договором, что позволило,

как отмечает автор, «обвиняемым бежать, свидетелям скрыться, а документы, подтверждавшие обвинение, были изъяты и стали недоступны» (с. 314).

Под воздействием одних и тех же политических факторов превращались в разменную монету не только территориальные права и интересы армянского народа, но и интересы правосудия. Начав политическую игру с турецкими националистами, сперва французское и итальянское правительства, а затем и английское должны были отказаться от идеи наказания за геноцид армян. Политическая сделка английского правительства с кемалистами, приведшая к позорному предательству интересов правосудия—освобождению отъявленных преступников, организовавших массовое истребление армян, в обмен на специально с этой целью задержанных нескольких британских подданных—говорит сама за себя.

Отмечая, что окончательный удар по нраву, справедливости и правосудию был нанесен заменой Севрского договора Лозаннским, автор показывает роль, которую сыграла в этом кемалистская Турция. Документы позволяют проследить органическую связь актов геноцида, совершенных кемалистами в 1919—1922 гг., с предшествовавшими событиями—резней и депортациями, осуществленными под руководством младотурок. Стремясь проиллюстрировать, что безнаказанность одних актов геноцида ведет к другим, В. Дадриян, как нам кажется, не уделяет достаточного внимания тому обстоятельству, что по замыслу, по целям и методам преступления, совершенные кемалистами как в пределах Турции, так и за пределами ее довоенных границ, были продолжением и завершением преступления геноцида, начатого при султане Абдул-Гамиде и осуществлявшегося при младотурках.

Младотурецкие лидеры разработали план, включавший истребление армян и за пределами государственных границ, они же предприняли первую попытку аннексии этих армянских территорий, сопровождавшуюся геноцидом коренного населения. Кемалисты завершили выполнение этой программы не только на большей части территории в пределах государственных границ (Киликия, Смирна), но и за их пределами на большей части Восточной Армении. Мастерски воспользовавшись благоприятной для них политической ситуацией, вызванной появлением нового непримиримого узла противоречий между Советской Россией и Западом, кемалисты сумели не только удержать преступные плоды геноцида армян, но добились даже «премии» за это преступление, аннексировав большую часть армянских территорий за пределами довоенной границы.

В этом отношении по своей доказательной силе исключительный интерес представляет шифрованная телеграмма, посланная 8 ноября 1920 г. министром иностранных дел кемалистского правительства Ахметом Мухтаром главнокомандующему армией Восточного фронта генералу Кязим Карабекиру. Поражает не только цинизм, с которым кемалистское руководство излагало в деталях свой план геноцида армян за пределами государственных границ Турции, но и цинизм Карабекира, опубликовавшего этот разоблачительный документ. Вызывает удивление и то, что этот документ в советской армянской литературе до сих пор оставался неизвестным, хотя публиковался в Турции дважды, в 1960 и 1969 гг.²

Документ этот ценен во многих отношениях. Он, в частности, полностью подтверждает преднамеренность геноцида армян, осуществлявшегося кемалистами. Нельзя не отметить и то, что документ опровергает лживую версию начавшейся в сентябре 1920 г. армяно-турецкой войны, которая поддерживалась в советской литературе с целью оправдания политики предательства интересов армянского народа политическим руководством Советской России.

Следовало бы указать на отмеченный В. Дадрияном прием—метод «параллельных приказов», применявшийся как младотурецкими правителями Турции, так и кемалистами в целях обеспечения секретности операции геноцида армян. Так, кемалистский министр иностранных дел Мухтар в один и тот же день послал коман-

² К. Карабекир. *İstiklal Harbimiz*, 2d ed., 1969, pp. 844—45 (в издании 1960 г., 691 с.).

довавшему войсками К. Карабекиру две параллельные телеграммы с прямо противоположными указаниями: одни были предназначены для исполнения, другие для дезинформации. В последних предлагалось направить армянскому правительству в качестве официальных условия перемирия, содержавшие ссылки на принципы «справедливости и человечности», заверения, что правительство Анкары в одинаковой мере стремится к благосостоянию турецкого, армянского и других народов, обещания «поддерживать «полную независимость и безопасность» Армении и оказывать «продовольственную и другую материальную помощь с тем, чтобы она смогла восстановиться экономически»³. Ссылаясь на «вильсоновский принцип самоопределения», выдвигалось требование плебисцита для определения границ. Секретной же шифровкой генерала Карабекира информировали, что «осуществление плебисцита было невозможно» и что оно было включено именно для того, чтобы «предотвратить определение этой самой границы». Генералу предписывалось «под предлогом защиты азербайджанцев оккупировать всю территорию Армении. Более того, ему предлагалось временно установить границы Армении таким образом, чтобы «под предлогом защиты прав мусульманских меньшинств было основание для постоянной интервенции». Генералу предписывалось разоружить армян и в то же время «постепенно вооружить турок этого района с целью соединить в этом районе восток и запад и присоединить азербайджанцев под независимым турецким правительством путем создания структуры национальной силы»⁴.

Показав, что враждебность турецкого государства к Армении была связана с отношением к ней как препятствию прямой политической связи с другими тюркскими народами Кавказа и Средней Азии и что обращение к геноциду армян было средством устранения этого препятствия, подкрепив этот вывод мнением иностранных специалистов и свидетельствами прессы, автор рассматривает в этом контексте и последние события в Нагорном Карабахе и вокруг него—резню в Сумгаите и другие акты геноцида армян в Азербайджанской ССР (работа вышла до резни в Баку): «жестокость и гнусные методы, примененные при резне, неспособность советских сил безопасности предупредить бойню, были настолько тяжелы, что воскресили в памяти армян геноцид в годы первой мировой войны, вызвали чувство полной покинутости и беспомощности» (с. 331).

Публикуя свой труд, В. Дадриян стремился не только к торжеству права и справедливости в отношении народа, ставшего первой жертвой геноцида в XX веке, но хотел также сделать все возможное, чтобы исключить это тягчайшее международное преступление из жизни человеческого общества.

Работа завершается выражением веры в торжество международного права над противостоящим ему «спектром политических сил», которые служат опорой этого страшного преступления, несовместимого с принадлежностью к роду человеческому. Хотя события, с которыми армянский народ вновь столкнулся в последние годы—бесчеловечность, несправедливость, противоправность, говорят о живучести политического эгоизма, читатель разделяет убеждение автора, что право и справедливость в конечном счете победят. Залогом тому укрепление демократического правосознания народов во всем мире, пробуждение подлинно демократических сил в СССР.

³ К. Karabekir. Op. cit., p. 844, note 396.

⁴ Ibid., p. 845.